

«Конец истории». Российская версия

Теперь — только приспособление к понятному и авторитетному порядку вещей, а в процессе успешного приспособления — удовольствие

Петр Саруханов / «Новая газета»

15:00, 29 июня 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

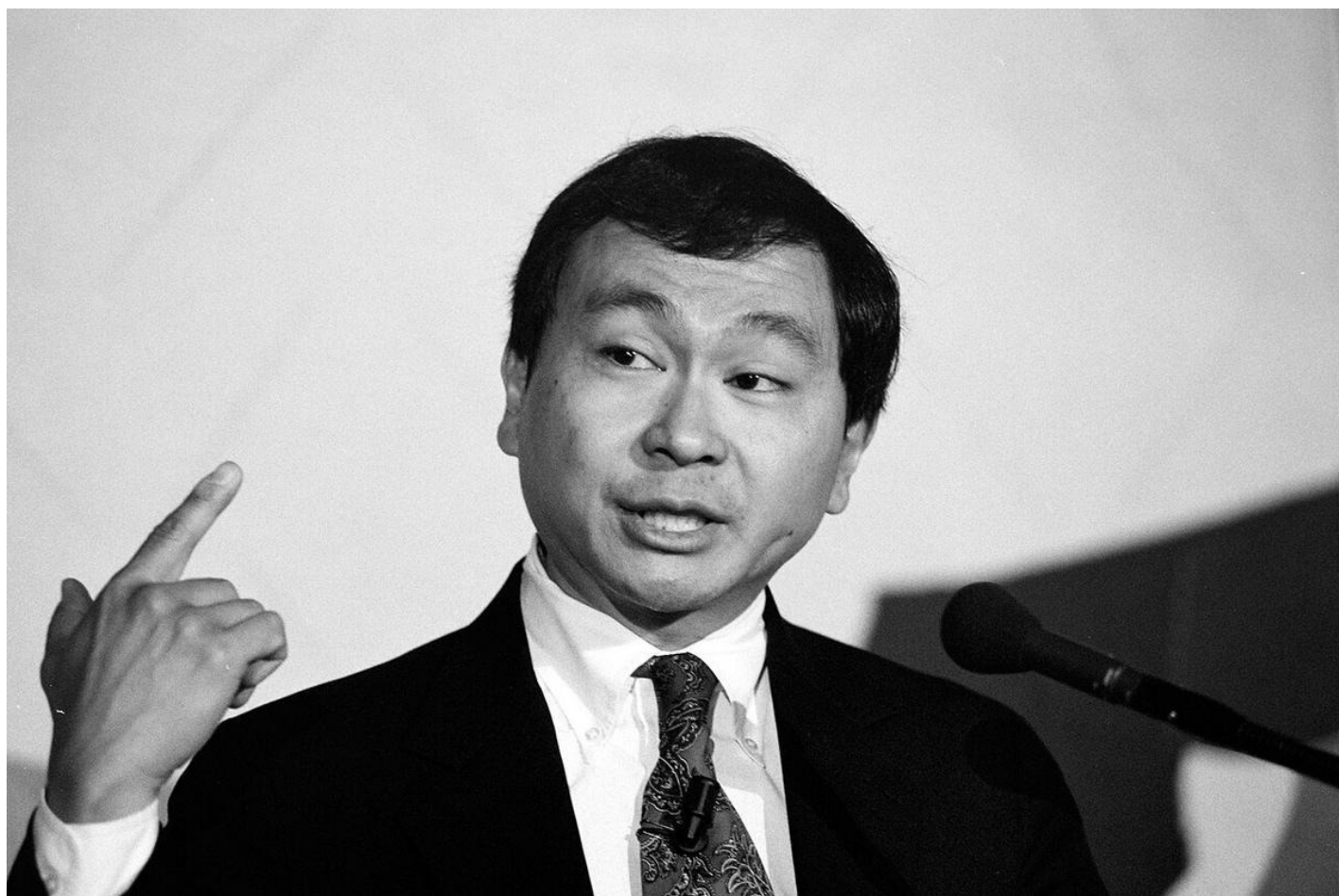
полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Если наблюдаешь сейчас за российским населением — за тем, как безразлично оно в целом к происходящим в стране историческим драмам, как занято оно своим бесконечным бытовым приспособлением и производством комфортных для себя эмоций, несмотря ни на что, — то приходит на ум одна очень известная, но уже изрядно позабытая идея. Это идея о «конце истории» в исполнении Френсиса Фукуямы.

Уже тридцать с лишним лет «конец истории» остается наиболее расхожим мемом в общественно-политической мысли. Если в двух словах, то суть такая. Преимущество демократии и рыночной экономики настолько очевидно, что ведет к исчезновению всякой жизнеспособной альтернативы. А история — это всегда альтернатива, тезис и антитезис, развилка дорог. Следовательно, истории надлежит осознать свой финал. Сглаживаются партийные конфликты, гражданское сопротивление теряет актуальность, а внешняя политика всего лишь следует за спросами и предложениями единого мирового рынка. Жизнь индивидов стандартизуется и также подчиняется законам рынка. Рынок же ориентирован на одно — на бесконечно разрастающийся человеческий гедонизм в потреблении вещей, эмоций и отношений.

Сам Фукуяма не был особенно рад открывшейся перспективе, где главное место принадлежит не героям и подвижникам, а так называемым людям «без груди» — тем, у кого атрофировалось экзистенциальное измерение.

Френсис Фукуяма. Фото: Википедия

«Последние люди», как называл их базельский профессор Фридрих Ницше. «Счастье найдено нами», — говорят последние люди и всеми силами избегают противоречий.

Если мы будем воспринимать фукуямовский «конец истории» фатально, как новую редакцию «апокалипсиса», — то здесь не избежать сомнений и скепсиса. За то время, когда знаменитый трактат увидел свет в 1989 году, в мире произошло немало весьма радикальных сдвигов, которые определенно можно назвать историческими. Но если увидеть в «конце истории» некую психологическую и смысловую опцию общественного бытия — здесь возникают совсем другие картины, вполне реальные и узнаваемые.

Опциональный «конец истории» хорошо знаком россиянам по нулевым годам. Причем вполне в том духе, как описывали его

Фукуяма или Жан Бодрийяр. После нежданного и эйфорического прорыва свободы в конце 80-х и тревожного становления ее в 90-х, наступает затишье и «эпоха стабильности». В нулевые в общественной жизни страны разрешено, в принципе, почти все — как наследие перестройки и гласности. Однако индивиды хотят прежде всего одного: потребления. Кто на уровне выживания, кто на уровне качественных удовольствий. Гражданская жизнь и этические ее постулаты мало кого всерьез заботят. Политическая область вне интереса: такие события, как война в Грузии и визит в Москву знаменитого «терминатора», «железного Арни», воспринимаются примерно в одном ряду. Люди зарабатывают, путешествуют, практикуют дайвинг и горные лыжи, плотно заполняют бары, следят за модой и меняют марки авто. В этом процессе укрепляется лишь одна ведущая цель: зарабатывать больше и еще больше. Смысловая гамма существования выдержана в рамках того, что можно называть «массовым постмодернизмом»:

все относительно и все подлежит иронии. Но зарабатывать больше — это неоспоримая основа.

В те времена лишь немногие пытаются воскресить историческое измерение и взывают к альтернативам. Например, вдохновленные песнями Егора Летова национал-большевики* во главе с Эдуардом Лимоновым. Однако явление их выглядит скорее оксюмороном, чем реальной политикой. Их акционизм воспринимается и осуждается властями, против которых он направлен, лишь как хулиганство, но не как настоящий протест. К тому же альтернативы национал-большевиков вполне вписываются в общий постмодернистский, игровой контекст и являют собой не что

иное, как эстетический ремейк троцкизма.

Эдуард Лимонов. Фото: Антон Ваганов / ТАСС

Российские нулевые годы — это функционирование потребительской системы, замкнутой на своем самовоспроизводстве. Население производит деньги и тратит их в свое удовольствие, не задаваясь вопросами, чем занята власть. Власть занята, по сути, тем же, не особенно спрашивая, чем занята население. Стабильный консенсус, моральную сторону которого превосходно описывает Виктор Пелевин в романе «Generation «П» или Сергей Шнуров в одноименной песне. И для этого консенсуса нет ничего более чуждого, чем история.

В нулевые годы историческое измерение с его обобщающими идеями и тревогами оказалось где-то в архиве.

На место History с ее метарасказами приходят бесчисленные stories, маленькие рассказы о маленьких событиях. Их главное свойство — неудержимая текучесть, не прерываемая паузами смена кадров.

Это новый формат восприятия, подхваченный и возведенный в принцип социальными сетями наших дней, в максимальной степени реализованный в Instagram^{**}: длительность одной истории, фото или видео — до 15 секунд; автоматическое удаление — через 24 часа. Созданы все условия для того, чтобы рефлексия как осмысленное понимание и ощущение — оказалась в принципе невозможной.

Но все же: существует ли какой-то внятный критерий, по которому можно определить наличие процесса истории? В общем, да, и это тот же критерий, на основании которого греческий и римский мир отделял себя от мира варварского. Он связан со становлением человеческой свободы, которая выражает себя как протест любой замкнутой и самопроизводящейся социальной или культурной системы. Свободный человек оценивает такие системы как деспотические.

Для грека и римлянина выносить над собой деспотизм в принципе неприемлемо. Для варвара же деспотизм вполне естественен и не вызывает протеста.

Не практикуя собственной свободной воли, варвары, с точки зрения грека или римлянина, не являются субъектами истории. Этим

субъектом выступает лишь их повелитель, которому они подчинены и которому служат.

Значит, историческим следует считать лишь такой народ, в котором практикуется свободное, критическое сознание и волеизъявление для весьма широкого представительства, а не только для правящей элиты. Другими словами, историческим бытием обладает тот народ, что организовал себя в форме дискуссионного сообщества, т.е. в форме демократии или республики.

Античные идеи наследует европейское Просвещение. Самое высокое историческое место присуждается тем народам, у которых в широком социальном диапазоне практикуется дискуссионный прогресс, т.е. «прогресс в сознании свободы», как пишет Фридрих Гегель. Эту свободу конкретизирует Иммануил Кант: цель истории — всеобщее правовое гражданское общество.

Классическая европейская философия применяет к историческому бытию критерий постоянной подвижности, трансформации. У Канта мы читаем: закон истории непременно должен быть законом развития, развертывания, а не законом стабильной структуры или функционирования системы. И у Гегеля: неисторический народ узнается по тому, что являет себя в застывших формах, которые если и меняются, то в силу внешних воздействий, а не вследствие свободного выбора.

Фото: Александр Казаков / ТАСС

Что касается сегодняшнего российского мира, то очевидным образом его властями провозглашен «конец истории». Суверенный конец политической подвижности. Ключевые точки: несменяемость верховной власти, репрессии для гражданских альтернатив, зачистка избирательного поля от инакомыслящих элементов. Безупречная стабильность.

Международные соглашения о правах человека? Нет, это не работает: очередная ловушка для «суверенной российской демократии». Нехватка свободы? А вы что, хотите, «как в 90-е»?

Проницательная власть как будто уловила, наконец, негласное отношение миллионов российских обывателей к политическому

измерению. Отношение, которое выражается у них обычно во фразе: «Политика? Нет, не для меня. Политика — грязное дело...»

И сопровождается задумчиво-презрительным выражением лица. Теперь, усилиями государства, действительно политика — это в принципе ни для кого. Торжественный возврат в нулевые, когда население самозабвенно производит и потребляет деньги и те удовольствия, что доступны за деньги. Как описывает данное положение вещей один из ведущих идеологов российской постистории Владислав Сурков: «народ *** и не ***».

Фото: Евгения Яблонская / Коммерсантъ

И если российская власть провозгласила для своего населения

«конец истории», то российское население с признательностью и облегчением, можно сказать, этот «конец» приняло. Теперь — никаких тревожных вопросов, дискуссий и гражданских свобод. То есть ничего такого, чем живет история. Теперь — только приспособление к понятному и авторитетному порядку вещей, а в процессе успешного приспособления — удовольствие. Иногда для безопасности — публичные реплики о том, как хороша сегодня российская власть. А иногда и для удовольствия — ведь разве не удовольствие быть заодно с тем, кто не имеет себе равных на обозримом горизонте?

Отличие 20-х от нулевых годов лишь в том, что тогда население существовало, производило и потребляло внутри заданной системы, но не замечало самой системы. Теперь же система вышла из тени и захотела публичного признания — не замечать ее уже не получится. А замечая, только признавать, ибо на непризнание система реагирует безжалостно. Подобное состояние жизни и сознания некоторые современные критики назвали бы вариантом постмодернизма, а греки и римляне — вариантом варварства.

Но есть и одно очень существенное различие между 20-ми и нулевыми годами. Оно расположено ровно посреди них. Это время дискуссионных и критических 10-х и самого начала 20-х, когда население страны училось быть не населением, а гражданами. В нулевые и вправду не было на горизонте каких-то альтернатив для «конца истории» — этот «конец» был повсюду, его проживали и в самих первоисточниках гражданских прав и свобод, в Европе, в USA. Да и сейчас нельзя сказать, что там его пережили и возродились. Однако тот, кто распробовал историческое на вкус, кто ощутил, что значит быть субъектом, а не подданным, — тот уже не захочет возвращаться в ряды «людей без груди», в статус покорного и приспособленного «последнего человека», сторонящегося

противоречий.

Кто побывал внутри истории как ее субъект — тот уже не воспримет суверенно объявленный «конец истории» как фатум и безнадежность. Но лишь как одну из опций, которых в истории весьма немало.

*Властями РФ признана экстремистской и ликвидирована

** Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Диктатура воли и принуждение к свободе](#)

«Верхи», «низы», «уязвленные люди» — кто из них важнее для исторической эволюции

13:39, 7 мая 2024, Роман Шамолин

[Духу Кремль не интересен](#)

Этот режим — не наследник советского, пусть никого не обманывает форма и забытые практики. О времени отказа от перемен и прогресса

10:20, 17 мая 2024, Роман Шамолин